

Germany after 1945 or the Return of Cultural Code

During the reign of National Socialism in Germany, Jews were first excluded from all spheres of social, political and cultural life in the Third Reich, then transported to the East and murdered there, together with their local brethren, by shootings in the woods and by gas in concentration camps. Those who managed to remain in Germany were being hunted even during the very last days of the war. At the end, some fifteen thousand Jews survived in Nazi Germany. Elsewhere, those who wished to return from exile or the few who were liberated from the Nazi extermination and labor camps were often unable to return to their pre-war homes. Some 1,200 Jews were killed in Poland immediately after the war. Throngs of refugees, mostly Jewish, streamed westward, finding shelter in Germany, of all places.

Thus, despite all their efforts, the Nazis did not manage to achieve a *Judenrein* Germany. Instead, their country became refuge for more than 250,000 men, women, and children, exhausted and penniless, making up approximately as many Jews as had lived in Germany on the eve of the war. These surviving Jews, together with the rest of the German population, were trying to recover from various traumata and painful war-losses while they were daily suffering from hunger, cold and lack of shelter. Interestingly, even at that early point in time, the Allies were already investigating attitudes of the Germans towards democracy and towards the Jews now living in their midst. Following years of Nazi rule, anti-Jewish policies and vehement Antisemitic propaganda, they unsurprisingly found out that democracy was suspect and that Antisemitism had not disappeared. At first, most people claimed they knew nothing of the mass murder in the east and considered Allies' reports grossly exaggerated. Later, while few openly defended Nazi policies against the Jews, most still felt "it was good to break their power."¹ Furthermore, in addition to old Antisemitic clichés, Germans now voiced new concerns, including fear of reprisals and resentment against accusations by individual Jews, by local or international Jewish organizations and by the four occupying powers ruling their country.

¹ Office of the US Military Government, report (19.11.1945), quoted in Frank Stern, *The White-washing of the Yellow Badge. Antisemitism and Philosemitism in postwar Germany*, Oxford 1992, 88. The first part of this epilogue relies on chaps. 11 and 12 in my book, *Deutschland aus jüdischer Sicht. Eine andere Geschichte vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart*, Munich 2022.

Германия после 1945 года, или Возвращение культурного кода

В период правления национал-социализма в Германии евреи сначала были исключены из всех сфер социальной, политической и культурной жизни Третьего рейха, затем депортированы на Восток и там убиты вместе со своими соплеменниками расстрелами в лесах и газом в концентрационных лагерях. Тех, кому удалось остаться в Германии, преследовали даже в последние дни войны. В конце концов, в нацистской Германии выжило около пятнадцати тысяч евреев. В других местах те, кто хотел вернуться из ссылки, или те немногие, кто был освобожден из нацистских лагерей смерти и труда, часто не могли вернуться в свои довоенные дома. Около 1200 евреев были убиты в Польше сразу после войны. Толпы беженцев, в основном евреев, хлынули на запад, найдя убежище, как ни странно, в Германии.

Таким образом, несмотря на все свои усилия, нацистам не удалось добиться *Judenrein* Германия. Вместо этого их страна стала убежищем для более чем 250 000 мужчин, женщин и детей, истощенных и без гроша в кармане, что составляло примерно столько же евреев, сколько проживало в Германии накануне войны. Эти выжившие евреи, вместе с остальным немецким населением, пытались оправиться от различных травм и болезненных военных потерь, ежедневно страдая от голода, холода и отсутствия крова. Интересно, что даже на этом раннем этапе союзники уже изучали отношение немцев к демократии и к евреям, живущим теперь среди них. После многих лет нацистского правления, антиеврейской политики и яростной антисемитской пропаганды они, как и следовало ожидать, обнаружили, что демократия вызывает подозрения, а антисемитизм никуда не исчез. Сначала большинство людей утверждали, что ничего не знают о массовых убийствах на востоке, и считали доклады союзников сильно преувеличенными. Позже, хотя немногие открыто защищали нацистскую политику против евреев, большинство по-прежнему считало, что «было хорошо сломить их власть».¹

Кроме того, помимо старых антисемитских клише, немцы теперь высказывали новые опасения, в том числе страх перед репрессиями и негодование по поводу обвинений со стороны отдельных евреев, местных или международных еврейских организаций, а также четырех оккупационных держав, управляющих страной.

-Отчет Управления военного правительства США (19.11.1945), цитируется по Фрэнку Стерну. «Обеление желтого значка». Антисемитизм и филосемитизм в послевоенной Германии. Оксфорд, 1992, 88. Первая часть этого эпилога основана на главах 11 и 12 моей книги. *Deutschland aus jüdischer Sicht. Eine andere Geschichte vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart*, Мюнхен 2022.

While the Soviets practiced a strict policy of extinguishing any Nazi influence in their zone, the western Allies applied a policy of selective denazification. At the end of 1945, the chief Nazi leaders were either dead or brought before the International Military Court in Nuremberg. However, the efforts at *general* denazification proceeded slowly and with only limited success. It aroused a great deal of resentment and in many cases only facilitated the whitewashing of the Nazi stigma off minor offenders. Within a few years, most of the imprisoned Nazis were freed and many were allowed to reassume their bureaucratic posts in the west-German judicial and political system.

Still, the occupying forces were determined to introduce new moral standards to the public discourse in their respective zones and Antisemitism served them from the start as an important measurement of their success or failure. By the end of 1945 and the beginning of 1946, a number of newspaper articles, dealing with what they continued to call “the Jewish Question,” also seemed to sense the meaning attached by the occupiers to the relationships between Germans and Jews. These became “a touchstone for the sincerity of democratic convictions,” the *Tagesspiegel* explained, a kind of litmus test.² A few years later, in the summer of 1949, the U.S. High Commissioner John McCloy, a guest speaker at the first inter-regional meeting of representatives of the reestablished Jewish communities in Germany, used similar language: “The fundamental reason that prompted me to come here,” he emphatically stated, “is the world-significance of the relationships of the new Germany to the Jews and of the Jews to the new German community . . . It will, in my judgment, be one of the real touchstones and the test of Germany’s progress toward the light.”³ Thus, with the fall of Nazism, Antisemitism as a cultural code seemed to have returned.

In the early 1950s, during the official negotiations on matters of financial restitution, the same John McCloy urged Konrad Adenauer to make public his opposition to Antisemitism and to accept responsibility, if not collective guilt, for the fate of Jews under the Nazis and for urgent Jewish needs at the present. Inside Germany, anti-Antisemitism signified support for democracy at large, for progress and for human rights. Antisemitism signified the opposite syndrome. The symbolic mechanism that was here at play was similar to what I have diagnosed in some of the essays in this book for the years of the *Kaiserreich*.⁴

² *Der Tagesspiegel*, 5.12.1945.

³ Quoted in Stern, *Whitewashing*, 297–298. This same meeting and McCloy’s speech are being also discussed by Michael Brenner in the book he edited, *Geschichte der Juden in Deutschland von 1945 bis zur Gegenwart*, Munich 2012, 146–147. In what follows I often rely on the articles in this volume.

⁴ See my articles, nos. 4. and 5. above.

В то время как Советы проводили строгую политику искоренения любого нацистского влияния в своей зоне, западные союзники применяли политику избирательной денацификации. К концу 1945 года главные нацистские лидеры либо были мертвы, либо предстали перед Международным военным судом в Нюрнберге. Однако усилия пообщий Денацификация продвигалась медленно и с ограниченным успехом. Она вызвала сильное негодование и во многих случаях лишь способствовала обелению нацистского клейма мелких правонарушителей. В течение нескольких лет большинство заключенных нацистов были освобождены, и многим было разрешено вернуться на свои бюрократические должности в западногерманской судебной и политической системе.

Тем не менее, оккупационные силы были полны решимости ввести новые моральные стандарты в общественный дискурс в своих зонах, и антисемитизм с самого начала служил им важным мерилем успеха или неудачи. К концу 1945 и началу 1946 года ряд газетных статей, посвященных тому, что они продолжали называть «еврейским вопросом», также, казалось, улавливали смысл, который оккупанты придавали отношениям между немцами и евреями. Эти отношения стали «критерием искренности демократических убеждений». Tagesspiegel пояснили, что это своего рода лакмусовая бумажка.² Несколько лет спустя, летом 1949 года, Верховный комиссар США Джон Макклой, приглашенный докладчик на первой межрегиональной встрече представителей восстановленных еврейских общин в Германии, использовал аналогичные формулировки: «Основная причина, побудившая меня приехать сюда, — решительно заявил он, — это мировое значение отношений новой Германии с евреями и евреев с новой немецкой общиной... На мой взгляд, это станет одним из подлинных критериев и проверкой прогресса Германии на пути к свету».³ Таким образом, с падением нацизма антисемитизм как культурный код, похоже, вернулся.

В начале 1950-х годов, во время официальных переговоров по вопросам финансовой реституции, тот же Джон Макклой призвал Конрада Аденауэра публично заявить о своем несогласии с антисемитизмом и принять на себя ответственность, если не коллективную вину, за судьбу евреев при нацистах и за насущные еврейские нужды в настоящее время. Внутри Германии антиантисемитизм означал поддержку демократии в целом, прогресса и прав человека. Антисемитизм означал противоположный синдром. Символический механизм, который здесь действовал, был похож на тот, который я диагностировал в некоторых эссе этой книги за прошедшие годы. Кайзеррейх.⁴

²-Der Tagesspiegel, 5.12.1945.

³-Цитата приведена в работе Штерна. Отбеливание, 297–298. Эта же встреча и речь Макклоя также обсуждаются Майклом Бреннером в книге, которую он редактировал. Geschichte der Juden in Deutschland von 1945 bis zur Gegenwart, Мюнхен, 2012, 146–147. В дальнейшем я часто буду опираться на статьи из этого тома.

⁴-См. мои статьи №№ 4 и 5 выше.

Meanwhile, the ever growing enmity between West and East, representing both the struggle between two world-powers and the competition between two over-arching ideologies, greatly intensified. While the foreign politics of the two German states were largely being dictated by the interests of the two super-powers, the two German states were left to concentrate on their internal affairs. In the East, the powerful Stasi apparatus was being built, and meanwhile the West experienced what was dubbed a *Wirtschaftswunder*, that is a miraculous economic recovery. But Antisemitism, strangely enough, belonged both in the foreign and in the domestic spheres. For a number of years, the Soviet Union dictated an anti-Jewish campaign in all of the Central European countries under its control, while in the West, a decent attitude towards Jews and readiness to respond to their individual and collective demands for reparations were considered a prime precondition for integrating the *Bundesrepublik* in the Western world. Its relationships with France and the other major European countries, its full acceptance as an ally of the United States and its eventual membership in NATO – all seemed to depend upon it.

However, while the political elite in West Germany seemed to have internalized the significance of an anti-Antisemitic stance for its *foreign* affairs, it did not manage to control Antisemitism *within* its borders. Repeated waves of Antisemitic incidents were being registered during these years. On January 16, 1960, Adenauer, this time on his own accord, broadcasted via radio and television his deeply-felt indignation vis-à-vis the resurfacing of Nazi slogans and swastika signs on Jewish graves and synagogue-walls up and down the country. To be sure, he might have been particularly worried about the effect of these events on foreign public opinion. But since many other government officials, mostly conservative CDU members like himself, also publicly expressed their concern, one could cautiously claim that the political elite, despite its mingling with ex-Nazis in and out of government, reacted apprehensively to open Antisemitism.

Shortly afterwards, as Adolf Eichmann was forcefully brought from Argentina to trial in Israel, old wounds were being even more painfully opened. The so-called Auschwitz-trials, between 1963 and 1965, were attended by hundreds of school classes and the proceedings were broadcast countrywide. Jews were now standing witness to Nazi crimes; sometimes they even played the role of plaintiffs. But on the agenda stood not only, not even particularly, Antisemitism as a code but simple, brutal Antisemitism too, often of the Nazi type, as real and as poisonous as ever. It was, in fact, only a generation later, towards the end of the 1980s, that some statistical investigations began to register a gradual reduction of this latter kind of open Jew-hatred. Figures for what was defined as “hard-core Antisemitism” made up by

Тем временем, постоянно нарастающая вражда между Западом и Востоком, представлявшая собой как борьбу двух мировых держав, так и конкуренцию двух всеобъемлющих идеологий, значительно усилилась. В то время как внешняя политика двух немецких государств в значительной степени диктовалась интересами двух сверхдержав, двум немецким государствам оставалось сосредоточиться на своих внутренних делах. На Востоке создавался мощный аппарат Штази, а тем временем на Западе происходило то, что получило название «конфликт». Экономическое чудо, Это чудесное экономическое восстановление. Но антисемитизм, как ни странно, существовал как во внешней, так и во внутренней сферах. В течение нескольких лет Советский Союз проводил антиеврейскую кампанию во всех контролируемых им странах Центральной Европы, в то время как на Западе достойное отношение к евреям и готовность отвечать на их индивидуальные и коллективные требования о репарациях считались первостепенным условием интеграции. Федеративная Республик западном мире. От этого, казалось, зависели ее отношения с Францией и другими крупными европейскими странами, ее полное признание в качестве союзника Соединенных Штатов и ее последующее членство в НАТО.

Однако, хотя политическая элита Западной Германии, похоже, осознала значимость антиантисемитской позиции для себя, иностранный Несмотря на все усилия, стране не удалось сдержать антисемитизм. в пределах своих границ. В эти годы регистрировались неоднократные волны антисемитских инцидентов. 16 января 1960 года Аденауэр, на этот раз по собственной инициативе, выступил по радио и телевидению с выражением глубокого негодования по поводу повторного появления нацистских лозунгов и свастики на еврейских могилах и стенах синагог по всей стране. Конечно, он мог быть особенно обеспокоен влиянием этих событий на зарубежное общественное мнение. Но поскольку многие другие правительственные чиновники, в основном консервативные члены ХДС, как и он сам, также публично выражали свою озабоченность, можно с осторожностью утверждать, что политическая элита, несмотря на свои связи с бывшими нацистами как в правительстве, так и вне его, отреагировала на открытый антисемитизм с опасением.

Вскоре после этого, когда Адольфа Эйхмана силой вывезли из Аргентины на суд в Израиль, старые раны открылись еще болезненнее. Так называемые Аушвицкие процессы, проходившие с 1963 по 1965 год, посещали сотни школьных классов, а трансляции велись по всей стране. Евреи теперь были свидетелями нацистских преступлений; иногда они даже играли роль истцов. Но на повестке дня стоял не только, даже не конкретно, антисемитизм как кодовое понятие, но и простой, жестокий антисемитизм, часто нацистского типа, такой же реальный и ядовитый, как и прежде. Фактически, лишь поколение спустя, к концу 1980-х годов, некоторые статистические исследования начали фиксировать постепенное снижение этого последнего вида открытой ненависти к евреям. Данные о том, что определялось как «жесткий антисемитизм», составляли

then as few as 6% and it could even be claimed that Antisemites, Neo-Nazis and others, were finally on the defensive.⁵

While this has been shown to be primarily true for Antisemitism on the Right, Antisemitism of another variety was occasionally becoming more vocal and ever more worrying, this time on the Left. At first, it could be argued, using the concept of cultural code, that as a rule, critique of the Israeli occupation of Palestinian territories served the Left as an indication of its comprehensive anti-Colonialism.⁶ In itself it was *not* Antisemitic. To repeat my argument in some of the essays in this book: precisely because Antisemitism was not a recognizable component of the leftwing political syndrome, it suited so well the role of a signifier. Clearly, leftwing Israel critique was not – and is not – *identical* with Antisemitism. But at the same time, it does present us with a fundamental dilemma: Is *every* critique directed at Jews or at Jewish Israelis a hidden manifestation of Jew-hating? And if this is not always the case, when is it – if at all?

To be sure, Antisemites often deny hating anyone. One is reminded of the first outspoken Antisemite in Imperial Germany, the Protestant Court-Priest Adolf Stöcker, who insisted as early as 1879 that “[w]e hate no-one . . . we also do not hate the Jews; we respect them as our fellow-citizens and love them as the Folk of the prophets and Apostles, of which our Savior had emerged.” He only objected to their “Mammon-spirit” and to their desire “to become masters of Germany.”⁷ Similarly, though he respected their religion and shared their “ancient, holy memories,” Heinrich von Treitschke, a highly respected historian at the Berlin University, found himself turning and twisting, too. He merely objected to that “German-Jewish mixed-culture,” which the Jews apparently wished to substitute for “our thousands-years Germanic civilization.”⁸ There is a long tradition of Antisemites, going back to the Church fathers, who insisted on having no prejudice against the Jews, only justified complaints. They enumerated justifications for criticizing, despising, even hating them, and often claimed to be merely concerned with their “improvement”.

Such an attitude has also been attributed to the so-called Jewish Self-Haters. Figures like the young Walther Rathenau in Berlin or Otto Weininger, Karl Kraus, and Egon Fridell in Vienna were listed under this title in a 1930 book by Theodor Lessing. Since then, this characterization has had a brilliant career in public debates among Jews, including in Israel’s post-1967 political controversies. By then

5 For the most useful summary of these statistics, see Werner Bergmann and Rainer Erb, *Antisemitism in Germany. The post-Nazi Epoch since 1945*, London & New York 2017, esp. 1–21.

6 For the following discussion see my essay no. 7. in this volume, above.

7 See Adolf Stöcker, *Das moderne Judentum in Deutschland, besonders in Berlin. Zwei Reden in der christlich-socialen Arbeiterpartei*, 2. ed. Berlin 1880, 4–20.

8 Reprinted in *Der Berliner Antisemitismusstreit*, ed. Walter Boehlich, Frankfurt a. M. 1965, 10.

Затем этот показатель снизился до 6%, и можно даже утверждать, что антисемиты, неонацисты и другие, наконец, перешли к обороне.⁵

Хотя это в основном справедливо для антисемитизма справа, антисемитизм другого рода время от времени становился все более громким и вызывал все большее беспокойство, на этот раз слева. Поначалу, используя концепцию культурного кода, можно было утверждать, что, как правило, критика израильской оккупации палестинских территорий служила левым показателем их всеобъемлющего антиколониализма.⁶ Само по себе это было бы не Антисемитизм. Повторю свой аргумент из некоторых эссе в этой книге: именно потому, что антисемитизм не был узнаваемым компонентом леворадикального политического синдрома, он так хорошо подходил на роль означающего. Очевидно, что левая критика Израиля не была – и не является – идентичным антисемитизмом. Но в то же время это ставит нас перед фундаментальной дилеммой: является ли... каждый Критика, направленная против евреев или израильских евреев, — это скрытое проявление иудейства? А если это не всегда так, то когда это происходит — и происходит ли это вообще?

Безусловно, антисемиты часто отрицают, что кого-либо ненавидят. Вспоминается первый откровенный антисемит в имперской Германии, протестантский придворный священник Адольф Штёкер, который ещё в 1879 году настаивал на том, что «мы никого не ненавидим... мы также не ненавидим евреев; мы уважаем их как наших сограждан и любим их как народ пророков и апостолов, из которого вышел наш Спаситель». Он возражал только против их «духа Маммона» и против их желания «стать хозяевами Германии». ⁷ Аналогично, хотя Генрих фон Трейчке, весьма уважаемый историк из Берлинского университета, уважал их религию и разделял их «древние, священные воспоминания», он тоже оказался в затруднительном положении. Он просто возражал против этой «немецко-еврейской смешанной культуры», которой евреи, по-видимому, хотели заменить «нашу тысячелетнюю германскую цивилизацию». ⁸ Существует давняя традиция антисемитизма, восходящая к отцам Церкви, которые настаивали на отсутствии предвзятости по отношению к евреям, утверждая, что у них есть лишь обоснованные претензии. Они перечисляли оправдания для критики, презрения и даже ненависти к евреям и часто заявляли, что их заботит лишь их «улучшение».

Подобное отношение приписывалось также так называемым «еврейским ненавистникам самих себя». Такие фигуры, как молодой Вальтер Ратенау в Берлине или Отто Вайнингер, Карл Краус и Эгон Фриделл в Вене, упоминались под этим названием в книге Теодора Лессинга 1930 года. С тех пор эта характеристика получила широкое распространение в публичных дебатах среди евреев, в том числе в политических спорах в Израиле после 1967 года.

⁵ Наиболее полезное краткое изложение этих статистических данных можно найти в работах Вернера Бергмана и Райнера Эрба.

Антисемитизм в Германии. Постнацистская эпоха с 1945 года. Лондон и Нью-Йорк, 2017, особенно стр. 1–21.

⁶ Дальнейшее обсуждение см. в моей статье № 7 в этом томе, указанной выше.

⁷ См. Адольф Штёкер. *Das Moderne Judentum in Германии, besonders в Берлине*. Цвай Реден в der christlich-socialen Arbeiterpartei, 2-е изд. Берлин, 1880, 4–20.

⁸ Перепечатано в *Der Berliner Antisemitismusstreit*, ред. Вальтер Бёлих, Франкфурт-на-Майне, 1965, 10.

there were reasons enough to object to the inflationary use of the adjective “Antisemitic,” and it seemed absurd that anyone who dared criticize the Israeli government and its policies in the occupied territories would immediately be branded as Antisemite.⁹

Does this also apply in the case of leftwing critique of Israel in present day Germany? After all, such criticism seems to originate from empathy with the sufferings of the Palestinians and from opposition to what appears as continuing injustice imposed upon them by the Israelis. While prior complaints about Jewish greed or immoral behavior were based on long-standing prejudices and invented mythologies, contemporary critique is based on facts, reported by reliable journalists and confirmed by international eye-witnesses. At the same time, while the right of the Palestinians to voice their complaints and express their point of view in discussing the so-called Middle East conflict is surely undeniable, there is something unique in handling these issues in Germany. Here, even a suspicion of Antisemitism is often considered unacceptable, and the almost imperceptible sliding from critique to Antisemitism has not been unknown in the ongoing debates.

During the entire post-1945 period, it was of paramount importance for the construction of a decent *Erinnerungskultur* (Memory Culture) first in West-Germany and later in the united country to exclude Antisemitism from the public sphere, from all official occasions, from all printed matter and from every spoken word. In living memory is the scandal caused by the joint visit of Kanzler Kohl and President Reagan to the military cemetery in Bitburg, where both Wehrmacht soldiers and Waffen-SS men are buried side by side. A couple of years later, a speech held by the President of the *Bundestag*, Philip Jenninger, on the fiftieth anniversary of the 1938 November Pogrom, again caused a public uproar. These incidents already showed the sensitivity of the public in Germany to manifestations of Antisemitism, but it was when such manifestations were joined to matters of free speech or the freedom of artistic expression, that had brought about furious reactions, even earlier. A memorable case took place in Frankfurt am Main, as local Jews objected and, in fact, stopped the staging of Rainer Werner Fassbinder’s play *Der Müll, die Stadt, und der Tod* (Garbage, the City and Death) in the city theater. Further conflicts erupted in relation with an exhibition, presenting the role of the *Wehrmacht* in carrying out the “Final Solution”, or in relation to various forms of commemoration of the Holocaust, such as the introduction of *Stolpersteine* along the streets of various German towns or the construction of a Memorial for the Murdered Jews in Berlin.

⁹ See my “Selbstgefälligkeit und Selbsthaß: Die deutschen Juden zu Beginn des 20. Jahrhunderts,” in: *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 1986, no.1, 1–13 (Originally in Hebrew in: *Zemanim*, IV no. 14 1984, 28–41). A later version can be found in my book, *Germans, Jews and Antisemites. Trials in Emancipation*, Cambridge 2006, 33–46.

Было достаточно оснований возражать против чрезмерного использования прилагательного «антисемит», и казалось абсурдным, что любого, кто осмеливался критиковать израильское правительство и его политику на оккупированных территориях, немедленно клеймили бы как антисемита.⁹

Применимо ли это также к левой критике Израиля в современной Германии? В конце концов, такая критика, кажется, исходит из сочувствия к страданиям палестинцев и из противодействия тому, что представляется продолжающейся несправедливостью, навязываемой им израильтянами. В то время как прежние жалобы на еврейскую жадность или аморальное поведение основывались на давних предрассудках и вымышленных мифах, современная критика базируется на фактах, сообщаемых надежными журналистами и подтверждаемых международными очевидцами. В то же время, хотя право палестинцев высказывать свои жалобы и выражать свою точку зрения при обсуждении так называемого ближневосточного конфликта, безусловно, неоспоримо, в подходе к этим вопросам в Германии есть нечто уникальное. Здесь даже подозрение в антисемитизме часто считается неприемлемым, и почти незаметное сползание от критики к антисемитизму не является чем-то необычным в продолжающихся дебатах.

На протяжении всего периода после 1945 года строительство достойного жилья имело первостепенное значение. *Erinnerungskultur* (Культура памяти) сначала в Западной Германии, а затем и в объединенной стране стремилась исключить антисемитизм из общественной сферы, из всех официальных мероприятий, из всех печатных материалов и из каждого произнесенного слова. В живой памяти остался скандал, вызванный совместным визитом канцлера Коля и президента Рейгана на военное кладбище в Битбурге, где бок о бок похоронены солдаты Вермахта и военнослужащие Ваффен-СС. Несколько лет спустя речь, произнесенная президентом...БундестагВ пятидесятую годовщину ноябрьского погрома 1938 года Филипп Йеннинггер вновь вызвал общественный резонанс. Эти инциденты уже демонстрировали чувствительность немецкой общественности к проявлениям антисемитизма, но именно сочетание таких проявлений с вопросами свободы слова или свободы художественного выражения вызывало яростную реакцию еще раньше. Один из запоминающихся случаев произошел во Франкфурте-на-Майне, когда местные евреи выступили против и фактически сорвали постановку пьесы Райнера Вернера Фассбиндера. *Der Müll, die Stadt, und der Tod* (В городском театре разгорелись новые конфликты, связанные с выставкой, представляющей роль...Вермахтпри осуществлении «окончательного решения» или в связи с различными формами увековечивания памяти о Холокосте, такими как введениеШтольперштайнена улицах различных немецких городов или при строительстве мемориала убитым евреям в Берлине.

-См. мою статью «Selbstgefälligkeit und Selbsthaß: Die deutschen Juden zu Beginn des 20. Jahrhunderts» в: *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 1986, № 1, 1–13 (Первоначально на иврите: *Земаним*, IV № 14 1984, 28–41). Более позднюю версию можно найти в моей книге. *Немцы, евреи и антисемиты. Судебные процессы по делу об эмансипации*. Кембридж, 2006, 33–46.

In 1998, Martin Walser's acceptance speech for the Peace Prize of the German Publishers' and Booksellers' Association caused a heated controversy, yet again touching upon matters of free speech on the one hand and the need to preserve public decency in arguing such issues, on the other hand.

Germany has been trying to come to term with its past throughout these years. Some of its politicians and many of its public intellectuals were ever more intensely engaged in preserving a liberal-democratic *Öffentlichkeit* for the modern, powerful, influential and internationally respected *Bundesrepublik*. What made similar disputes more bitter during the last decade or two was the ever more urgent need to allow more "space", so to speak, for Palestinian and pro-Palestinian voices precisely within such an *Öffentlichkeit*. At this point in time, it was *more* rather than *less* open critique of Israel that seemed to have indicated Germany's robust liberalism and its firm belonging to the international community of democratic states. Occasional interventions of Israeli officials, trying to delegitimize these voices, only heated the argument, and eventually, various German authorities felt compelled to intervene. In January 2019 the federal government established the post of an Anti-semitism-Commissioner and a few months later, the *Bundestag* decided to define the BDS movement, calling for a boycott of Israeli goods and a ban on its participation in international events, Antisemitic. The decision was based on criteria formulated by the International Holocaust Remembrance Alliance (IHRA), chaired by the renown Israeli Historian of the Shoah Yehuda Bauer. However, soon other Israeli intellectuals, together with artists and scholars from the United States and Germany, protested what *they* saw as illegitimate attacks on free speech and the unfair use of the accusation of Antisemitism. This, in fact, was a debate about the coded meaning of anti-Israel critique within the German context. It had little to do with the Middle East conflict. In Germany, some insisted such critique was an expression of hidden Antisemitism, while for others it still stood for anti-Colonialism and signified progressiveness and the support of 'open society'.

In the end, it was, indeed, the ease with which anti-Israel critique could slide into Antisemitism that made things so complicated. The controversy over the oral and written texts of the African philosopher Achille Mbembe is a good example. In some of his pronouncements, he seemed to have left behind the *symbolic* function of the anti-Colonial Israel critique, used by the Left since the 1960s, and allowed himself to introduce hateful language towards Jews of the kind that could not but be problematic, especially – though surely not only – in Germany. There were grounds to object to the continuation of his festive speeches and prize-winning ceremonies. In other cases, too, the danger of sliding from the symbolic to the concrete in applying anti-Jewish language or anti-Israeli critique, was equally apparent. And this danger seems always to be there. Some tend to exaggerate its significance; some to underestimate it. In any case, the discussion is no

В 1998 году речь Мартина Вальзера при получении Немецкой ассоциации издателей и книготорговцев премии мира вызвала ожесточенные споры, вновь затронув, с одной стороны, вопросы свободы слова, а с другой — необходимость сохранения общественной морали при обсуждении подобных вопросов.

Германия на протяжении многих лет пыталась осмыслить своё прошлое. Некоторые из её политиков и многие общественные деятели были всё более активно вовлечены в сохранение либерально-демократического строя. Öffentlichkeit для современных, влиятельных, могущественных и уважаемых на международном уровне людей. Федеративная Республика. Что делало подобные споры ещё более ожесточенными в последние одно-два десятилетия, так это все более острая необходимость предоставить больше «пространства», так сказать, для палестинских и пропалестинских голосов именно в таких условиях. Öffentlichkeit. В тот момент времени это было более скорее, чем меньше Открытая критика Израиля, которая, казалось, свидетельствовала о жестком либерализме Германии и ее твердой принадлежности к международному сообществу демократических государств. Периодические вмешательства израильских чиновников, пытавшихся дискредитировать эти голоса, только разжигали спор, и в конце концов различные немецкие власти были вынуждены вмешаться. В январе 2019 года федеральное правительство учредило должность уполномоченного по борьбе с антисемитизмом, а несколько месяцев спустя... Бундестаг Было решено определить движение BDS, призывающее к бойкоту израильских товаров и запрету на участие Израиля в международных мероприятиях, как антисемитское. Решение было основано на критериях, разработанных Международным альянсом памяти о Холокосте (IHRA), возглавляемым известным израильским историком Холокоста Иегудой Бауэром. Однако вскоре другие израильские интеллектуалы, а также художники и ученые из США и Германии, выразили протест против этого решения. Они рассматривали это как незаконные нападки на свободу слова и несправедливое использование обвинения в антисемитизме. На самом деле, это была дискуссия о завуалированном значении антиизраильской критики в немецком контексте. Она имела мало общего с ближневосточным конфликтом. В Германии одни настаивали на том, что такая критика является выражением скрытого антисемитизма, в то время как для других она по-прежнему означала антиколониализм и символизировала прогрессивность и поддержку «открытого общества».

В конечном итоге, именно легкость, с которой антиизраильская критика могла перерасти в антисемитизм, и осложнила ситуацию. Хорошим примером является полемика вокруг устных и письменных текстов африканского философа Ахилле Мбембе. В некоторых своих высказываниях он, казалось, оставил позади... символический Он использовал антиколониальную критику Израиля, применяемую левыми с 1960-х годов, и позволил себе вводить в свой адрес ненавистнические высказывания, которые не могли не быть проблематичными, особенно – хотя, конечно, не только – в Германии. Были основания возражать против продолжения его торжественных речей и церемоний награждения. В других случаях также была очевидна опасность перехода от символического к конкретному при применении антиеврейской риторики или антиизраильской критики. И эта опасность, кажется, всегда существует. Некоторые склонны преувеличивать её значение; другие – недооценивать. В любом случае, дискуссия не является

longer limited to supporters or opponents of the Left. It is now carried out by the mainstream, specifically among historians.

Two interesting sidelines recently accompanied this discussion. *First* was a renewed interest in *defining* Antisemitism. After all, much has happened since the term had been invented and became widespread in Germany of the late 1870's, almost 150 years ago. During that time, it has been used extensively in both scholarly and public discourse, while defining it remained difficult throughout. The American historian David Engel suggested dropping it altogether, but his passionate plea for that radical solution received only limited support from colleagues, experts in the field.¹⁰ Perhaps this concept's intuitive and easily understood sense, as well as its continuous application by contemporaries, contribute to its staying power. At any rate it seems, to me at least, that a revolution in our terminology is unlikely to occur and in any case would not be of much use. We would still have to decide each case on its own, and even then we might often remain undecided.

Secondly and more interestingly, historians renewed the controversy concerning the relationships between Antisemitism and Racism and it then also leaked into the daily press, in and out of Germany. The discussion now includes reviewing the presumed *uniqueness* of Antisemitism in comparison with other cases of genocide, primarily in the colonial world, bringing into the open the subtext of competition among victims on a worldwide scale.¹¹ On both counts the debate has taken a rather ahistorical turn. Clearly, Antisemitism has a separate and unique history. This remains true even in times of increased awareness of other cruelties, mainly those typical of Colonialism and apparent in the various expressions of Racism in contemporary society. In fact, both Antisemitism and Racism ought to be studied with a view to their unique history and since both are morally reprehensible, they must be equally fought against and resisted.

Now, while historians are arguing these issues, Germany as a whole is still repeatedly disturbed by expressions of Antisemitism as well as Racism, especially on its political Right. Resentment of the *Bundesrepublik*, still alive in the eastern parts of the united country and felt even among Germans who never experienced life in the DDR, is joined to the not-yet-extinguished xenophobia everywhere else in the country. In times of increased immigration and the constant confrontation at home with foreign cultures and customs, the Right seems to flourish as never

¹⁰ See, unfortunately only in Hebrew, the extensive discussion of Engel's suggestion in the collection of essays: *Antisemitism. Historical Concept, Public Discourse*, eds. Scott Ury and Guy Miron, appearing as vol. LXXXV, 1–4, of the quarterly *Zion*, Jerusalem 2020.

¹¹ For all major contributors, see *Historiker streiten: Gewalt und Holocaust – die Debatte*, eds. Susan Neimann and Michael Wildt, Berlin 2022.

Это больше не ограничивается сторонниками или противниками левых. Теперь этим занимаются представители основного направления, в частности, историки.

Недавно эта дискуссия переросла в два интересных эпизода. Первый возобновился интерес к определению антисемитизма. В конце концов, многое изменилось с тех пор, как этот термин был придуман и получил широкое распространение в Германии в конце 1870-х годов, почти 150 лет назад. За это время он широко использовался как в научных, так и в публичных дискуссиях, в то время как дать ему определение оставалось сложной задачей. Американский историк Дэвид Энгель предложил вообще отказаться от него, но его страстный призыв к этому радикальному решению получил лишь ограниченную поддержку со стороны коллег, экспертов в этой области.¹⁰ Возможно, интуитивно понятный и легко воспринимаемый смысл этой концепции, а также ее непрерывное применение современниками, способствуют ее устойчивости. Во всяком случае, мне кажется, что революция в нашей терминологии маловероятна и в любом случае не принесет большой пользы. Нам все равно придется решать каждый случай самостоятельно, и даже тогда мы часто можем оставаться в нерешительности.

Во-вторых что еще более интересно, историки возобновили полемику о взаимосвязи антисемитизма и расизма, и она затем просочилась в ежедневную прессу как внутри Германии, так и за ее пределы. Теперь дискуссия включает в себя пересмотр предполагаемых уникальности Сравнение антисемитизма с другими случаями геноцида, прежде всего в колониальном мире, выявляет скрытый смысл конкуренции между жертвами в мировом масштабе.¹¹ По обоим пунктам дискуссия приняла довольно внеисторический оборот. Очевидно, что антисемитизм имеет отдельную и уникальную историю. Это остается верным даже во времена повышенного внимания к другим видам жестокости, главным образом типичным для колониализма и проявляющимся в различных формах расизма в современном обществе. Фактически, как антисемитизм, так и расизм следует изучать с учетом их уникальной истории, и поскольку оба явления морально предосудительны, с ними необходимо бороться и им необходимо противостоять в равной степени.

Сейчас, когда историки спорят по этим вопросам, Германия в целом по-прежнему неоднократно сталкивается с проявлениями антисемитизма и расизма, особенно среди правых политических сил. Негодование по поводу Федеративная Республика, Всё ещё живая в восточных частях объединённой страны и ощущаемая даже среди немцев, никогда не бывших жителями ГДР, она связана с ещё не угасшей ксенофобией во всех остальных частях страны. В условиях возросшей иммиграции и постоянного противостояния на родине с иностранными культурами и обычаями, правые, кажется, процветают как никогда прежде.

—К сожалению, подробное обсуждение предложения Энгеля в сборнике эссе доступно только на иврите: Антисемитизм. Историческая концепция, публичный дискурс. Под редакцией Скотта Ури и Гая Мирона, опубликовано в томе LXXV, стр. 1–4, ежеквартального издания. Сион, Иерусалим 2020.

—Список всех основных участников см. Historiker streiten: Gewalt und Holocaust – die Debatte, Под редакцией Сьюзан Нейманн и Михаэля Вильдта, Берлин, 2022.

before. Germany has indeed become home to hundreds of thousands of refugees from Syria and Afghanistan, many of whom were long subjected not only to anti-Israeli but also to outright Antisemitic propaganda. Nevertheless, their presence in Germany has had only marginal effect on issues related to the intellectual discussion of Antisemitism, though it sometimes leaves its mark on the atmosphere in schools and on the streets of Germany's large urban centers.

In present-day Germany, both on the Left and on the Right, Antisemitism continues to stand for more than Jew-hating. It is still a clear code, perhaps indeed a *cultural code*, for negative attitudes towards democracy, equality, and human rights in general. Its strength or weakness serve as a measure for the ability of German society to judge reality without prejudice and without delusion. Even though the Right has been lately strengthened in some European countries even more conspicuously, Germany – after all – is expected to be far more watchful in this respect. Memory of its past sets higher standards for this country. Thus, terror attacks against Jews, such as the Halle synagogue shooting on Yom Kipur, October 2019, deeply unsettle both Jews and non-Jews. Though there are always voices that attempt to minimize the danger, I consider it too early to feel confident.

But this is primarily a history book. The studies and essays collected in it are meant to illuminate the past. However, like every historian, I may be allowed to hope that they will also be of some value in correctly evaluating the present.

Раньше Германия действительно стала домом для сотен тысяч беженцев из Сирии и Афганистана, многие из которых долгое время подвергались не только антиизраильской, но и откровенно антисемитской пропаганде. Тем не менее, их присутствие в Германии оказало лишь незначительное влияние на вопросы, связанные с интеллектуальным обсуждением антисемитизма, хотя иногда оно оставляет свой след в атмосфере школ и на улицах крупных немецких городов.

В современной Германии, как среди левых, так и среди правых, антисемитизм по-прежнему означает нечто большее, чем просто ненависть к евреям. Это всё ещё чёткий код, возможно, даже нечто большее. культурный код, за негативное отношение к демократии, равенству и правам человека в целом. Сила или слабость правых сил служит мерилем способности немецкого общества судить о реальности без предвзятости и заблуждений. Хотя в некоторых европейских странах в последнее время правые силы еще более заметно укрепились, от Германии, в конце концов, ожидается гораздо большая бдительность в этом отношении. Память о прошлом устанавливает для этой страны более высокие стандарты. Таким образом, террористические акты против евреев, такие как стрельба в синагоге Халле в Йом Кипур в октябре 2019 года, глубоко тревожат как евреев, так и неевреев. Хотя всегда есть голоса, пытающиеся преуменьшить опасность, я считаю, что еще слишком рано для уверенности.

Но это прежде всего историческая книга. Собранные в ней исследования и эссе призваны осветить прошлое. Однако, как и любой историк, я могу надеяться, что они также окажутся полезными для правильной оценки настоящего.

Acknowledgements

No. 1. “More on Antisemitism and the Study of Antisemitism,” [Hebrew], here under the title “What’s wrong with the Study of Antisemitism: Two Reviews and two unanswered Questions,” from *Zemanim. A Historical Quarterly*, winter 1982, 77–81.

No. 2. “The Social and political Function of Antisemitism: The Case of the small Handicraft Masters,” from *Sozialgeschichte Heute. Festschrift für Hans Rosenberg zum 70. Geburtstag*, ed. H.U. Wehler, **Vandenhoeck & Ruprecht Göttingen** 1974, 416–431.

No. 3. “The Immunization of Social Democracy against Antisemitism in Imperial Germany,” from *Juden und jüdische Asepte in der deutschen Arbeiterbewegung*, Beiheft 2, Jahrbuch des **Instituts für Deutsche Geschichte**, Tel Aviv 1977, 63–81.

No. 4. “Antisemitism as a Cultural Code. Reflections on the History and Historiography of Antisemitism in Imperial Germany,” from the *Yearbook of the Leo Baeck Institute XXIII*, **Oxford University Press**, Oxford 1978, 25–45.

No. 5. “The Written Matter and the Spoken Word: On the Gap between pre-1914 and Nazi Antisemitism,” from *L’Allemagne nazi et le génocide juif*, ed. by F. Furet, Paris 1985; translated in *Unanswered Questions: Nazi Germany and the Genocide of the Jews*, ed. F. Furet, **Penguin Random House**, New York 1989, 33–55.

No. 6. “Antisemitism and anti-Feminism,” [Hebrew], from *Zemanim, A Historical Quarterly*, 1993, 134–143. An English translation was printed in Shulamit Volkov, *Germans, Jews, and Antisemites. Trials in Emancipation*, Cambridge 2006, 129–144.

No. 7. “Readjusting Cultural Codes: Antisemitism, anti-Zionism and the Critique of Israel,” from *The Journal of Israel Studies*, vol. 25, no. 1, **Taylor & Francis**, March 2006, 51–62. (<https://www.tandfonline.com/>)

No. 8. “Nationalism, Antisemitism and German Historiography,” [German] from *Nation und Gesellschaft in Deutschland. Historische Essays. Hans Ulrich Wehler zum 65. Geburtstag*, ed. Manfred Hettling and Paul Nolte, **C.H. Beck Verlag**, München 1996, 208–220.

No. 9. “Language as the Site of confronting Jews and Judaism,” [German] from *Jüdische Intellektuelle und die Philologien in Deutschland. 1871 bis 1933*, eds., Wilfried Barner and Chrisch König, **Wallstein Verlag**, Göttingen 1998, 223–238.

Благодарности

№ 1. «Больше об антисемитизме и изучении антисемитизма» [на иврите], здесь под заголовком «Что не так с изучением антисемитизма: два обзора и два вопроса без ответа», из *Земаним*. Исторический ежеквартальный журнал. зима 1982 г., 77–81.

№ 2. Социальная и политическая функция антисемитизма: случай мелких ремесленников», из *Sozialgeschichte Heute. Festschrift für Hans Rosenberg* от 70. Geburtstag, ред. Х.У. Велер, Ванденхук и Рупрехт Геттинген 1974, 416–431.

№ 3. «Иммигранты социал-демократии против антисемитизма в имперской Германии», из книги *Juden und jüdische Aspekte in der deutschen Arbeiterbewegung*, Beiheft 2, *Jahrbuch des Instituts für deutsche Geschichte*, Тель-Авив, 1977, 63–81.

№ 4. «Антисемитизм как культурный код. Размышления об истории и историографии антисемитизма в имперской Германии», из *Ежегодник Института Лео Бека* XXIII, Издательство Оксфордского университета, Оксфорд, 1978, 25–45.

№ 5. «Письменное и устное слово: о разрыве между антисемитизмом до 1914 года и нацистским антисемитизмом», из книги *L'Allemagne nazi et le génocide juif*, под ред. Ф. Фюре, Париж, 1985; перевод на английский язык. *Неразрешенные вопросы: нацистская Германия и геноцид евреев*. ред. Ф. Фюре, Издательство «Пингвин Рэндом Хаус», Нью-Йорк, 1989, 33–55.

№ 6. «Антисемитизм и антифеминизм» [на иврите], из *Земаним*, исторический ежеквартальный журнал. 1993, 134–143. Английский перевод был опубликован в издании Шуламит Волковой. *Немцы, евреи и антисемиты. Судебные процессы по делу об эмансипации*. Кембридж, 2006, 129–144.

№ 7. «Пересмотр культурных кодов: антисемитизм, антисиионизм и критика Израиля». (из книги) *Журнал исследований Израиля*. том 25, № 1, Тейлор и Фрэнсис, Март 2006 г., 51–62. (<https://www.tandfonline.com/>)

№ 8. «Национализм, антисемитизм и немецкая историография» [на немецком языке] *Nation und Gesellschaft* в Германии. Исторические очерки. Ганс Ульрих Велер на 65-м месте. Geburtstag, под ред. Манфреда Хеттлинга и Пола Нольте. Издательство CH Beck Verlag, Мюнхен 1996, 208–220.

№ 9. Язык как место противостояния евреев и иудаизма», [немецкий] из *Jüdische Intellektuelle und die Philologien* в Германии. 1871–1933 гг., ред., Уилфрид Барнер и Криш Кёниг, Вальштейн Верлаг, Гёттинген 1998, 223–238.

No. 10. “German Jews and the Temptation of Racism”, from *Expanding Perspectives on the Holocaust. Lessons and Legacies*, eds. Hillary Earl and Karl A. Schleunes, **North Western University Press**, Evanston Ill. 2014, 211–228.

No. 12. “National-Socialism: The Double Perspective of Jews and Germans,” from *Jüdische Welten. Juden in Deutschland vom 18. Jahrhundert bis in die Gegenwart*, eds. Marion Kaplan and Beate Meyer, **Wallstein Verlag**, Göttingen 2005, 457–465.

No. 13. “Antisemitism as Explanation: For and against”, from *Catastrophe and Meaning. The Holocaust and the Twentieth Century*, eds. Moishe Postone and Eric Santner, **Chicago University Press** 2003, 34–48.

No. 14. A book review from the Israeli daily *Haaretz*, [Hebrew] August 18, 2008.

No. 15. “Revisiting Friedländer on Nazi Antisemitism”, from a special issue of the *Journal of Holocaust Research*, **Taylor & Francis**, 2023, vol. 37, no.1, 50–56. (<https://www.tandfonline.com/>)

No. 16. “Historiography in the Loop: Explaining Nazi Antisemitism”, [Hebrew] from *Zion*, vol. 76 no.3, 2011, 369–379.

№ 10. «Немецкие евреи и искушение расизма», из книги *Расширение кругозора в понимании Холокоста. Уроки и наследие*. под ред. Хиллари Эрл и Карла А. Шлейнеса. Издательство Северо-Западного университета. Эванстон, Иллинойс, 2014, 211–228.

№ 12. *Национал-социализм: двойная перспектива евреев и немцев*», из *Jüdische Welten. Juden in Deutschland vom 18. Jahrhundert bis in die Gegenwart*, Под редакцией Марион Каплан и Беате Мейер. Валльштейн Верлаг, Гёттинген 2005, 457–465.

№ 13. «Антисемитизм как объяснение: за и против», из *Катастрофа и смысл. Холокост и двадцатый век*. под ред. Мойше Постоуна и Эрика Сантнера, Издательство Чикагского университета 2003, 34–48.

№ 14. Рецензия на книгу из израильской ежедневной газеты. Хаарец, [[На иврите] 18 августа 2008 г.

№ 15. «Переосмысление взглядов Фридлендера на нацистский антисемитизм», из специального выпуска журнала *Журнал исследований Холокоста* Тейлор и Фрэнсис, 2023, т. 37, № 1, 50–56. (<https://www.tandfonline.com/>)

№ 16. «Историография в замкнутом круге: объяснение нацистского антисемитизма», [на иврите] из *Сион*, том. 76 №3, 2011, 369–379.